

УДК 303.09+323.1

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: МОДЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ

Л.Л. Хоперская

Обоснован подход, в соответствии с которым этнополитический конфликт следует рассматривать как состояние этнополитической системы, при котором между акторами системы существует определенный дисбаланс. Модели конфликтности этнополитической системы являются теоретической фиксацией возможных типов дисбаланса между различными акторами системы.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; этнополитическая система; модели конфликтности; мониторинг; предупреждение и урегулирование конфликтов.

ETHNIC AND POLITICAL CONFLICTS: MODELS AND POSSIBLE SOLUTIONS

L.L. Khoperskaya

The article presents the approach, according to which the ethno-political conflict should be seen as a state of ethno-political system in which there is a certain imbalance between the actors of the system. The models of ethno-political conflict systems are theoretical fixation of the possible types of imbalance between the different actors of the system.

Key words: ethno-political conflict; ethno-political system; the models of conflict; monitoring; prevention and resolution of conflicts.

Создание конфликтологических моделей связано с необходимостью обобщения существующих подходов к решению этнополитических проблем, обуславливающих рост ксенофобских и националистических настроений в обществе. Так, по данным Левада-центра, в июле 2013 г. основной проблемой, которая беспокоит москвичей, 55 % опрошенных назвали «мигрантов из бывших южных республик СССР / с Северного Кавказа» (для сравнения – в декабре 2010 г. таких было 30 %) [1]; в октябре 2013 г. 73 % опрошенных россиян заявили о необходимости выдворять нелегальных мигрантов за пределы России (декабрь 2011 г. – 57 %) [2]; в декабре 2013 г. 48 % высказали мнение, что в 2014 г. возможны массовые столкновения на национальной почве [3].

Актуальность обращения к серьезной теории подтверждается регулярно. Конфликтные ситуации в России (Хотьково, Кондопога, Манежная площадь, Сагра, Пугачев, Бирюлево) и других постсоветских государствах, получившие большой общественный резонанс, разворачиваются по одному сценарию: рост межэтнической напряженности на фоне нерешенных социальных проблем; открытое столкновение сторон; выдвижение политических требований о выселении мигрантов и отставке местных руководителей; обвинение последних в коррупции и непротиводействии этнопреступности; использование

региональными органами власти силовых и административных ресурсов с целью прекращения открытого противостояния; достаточно абстрактные политические заявления центральной власти; резкие оценки при обсуждении ситуации в СМИ и Интернете. Хроника конфликтных ситуаций, например, в Бирюлево, достаточно подробно описана в СМИ [4], но обобщающего анализа, построенного на единой и понятной концептуальной основе, пока не проведено.

С нашей точки зрения, практически в каждом регионе необходимы прогнозирование этнополитических процессов, *построение их моделей*, мониторинг направленности их развития и *только на этой основе принятие управленческих решений*. Эта убежденность заставляет автора настаивать на необходимости практического применения достижений современной этноконфликтологии руководителями различных властных структур.

Множество примеров построения и использования моделей в политологических исследованиях доказывают два принципиальных и взаимосвязанных вывода: во-первых, моделей изучаемых явлений и процессов может быть сколь угодно много; во-вторых, выделение тех или иных переменных, на основе которых строится конкретная модель, зависит от выбранной теории политического анализа. В случае построения моделей этнополитичес-

ких конфликтов мы предлагаем учитывать классическую теорию политической системы Д. Истона и Г. Алмонда и ее трансформацию в теорию этнополитической системы.

По определению Д. Истона, “политические взаимодействия в обществе представляют собой систему” [5, с. 630], находящуюся в определенной среде и взаимодействующую с ней. К внутренней среде относятся экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения, в совокупности определяющие условия действия политической системы конкретного общества. К внешней среде относятся все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу.

Политический процесс представлен двумя формами: во-первых, выдвижением требований общества к власти, в него “вовлечены политические партии, группы интересов и средства массовой информации”; во-вторых, конвертацией этих требований в политические решения, осуществляемой органами власти. При этом образуется контур обратной связи, который включает реакцию общества на эти решения (поддержка, отвержение, противодействие), передачу информации об этой реакции властям и последующие действия властей, что “дает возможность системе использовать свой предшествующий и сегодняшний опыт для того, чтобы попытаться усовершенствовать своё будущее поведение” [5, с. 641].

Д. Истон подчеркивает, что действия властей имеют ключевое значение для сохранения системы, но поскольку исследователю труднодоступна или вообще недоступна информация о внутренних процессах, результатом которых является выработка политических решений, для обозначения политической системы он использует понятие “черного ящика”.

Неудовлетворенность отсутствием ответа на вопрос, что происходит в “черном ящике”, стала причиной уточнения модели политической системы Г. Алмондом. Он попытался приоткрыть “черный ящик” и предложил учитывать специфику функций органов власти, находящихся “на входе” и “на выходе” политической системы [6, с. 595]. Г. Алмонд разделил политический и административный процессы и соответственно акторов этих процессов, выполняющих различные функции в политической системе. Во-первых, в политический процесс включены такие акторы, как политические партии и группы интересов, основной функцией которых является формулирование и выдвижение требований к власти, причем различные акторы могут предъявлять несовпадающие, а иногда и взаимоисключающие требования.

Политические решения принимаются, как правило, высшими должностными лицами и законодательными органами. Административные

решения, посредством которых они должны реализовываться, осуществляют исполнительные и судебные органы власти. Все они, следовательно, также выступают акторами политической системы.

Г. Алмонд обозначил сложность внутренних связей между акторами политической системы, баланс между которыми зависит от степени политической активности общества и адекватности ответов правительства на выдвигаемые обществом или отдельными социальными группами острые вопросы [6, с. 599], конкретизировав таким образом исходную модель политической системы Д. Истона.

В то же время, несмотря на то, что Д. Истон и Г. Алмонд рассматривали проблему “как различные типы политических систем ... отличающиеся типами своих входов и выходов, своими внутренними процессами и обратными связями ” [5, с. 642], они никак не прояснили вопроса о природе, структуре и характере требований, предъявляемых политической системе. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что целями их исследований считается определение степени демократичности политических систем и условий обеспечения стабильности демократических политических систем, присущих западным обществам и отличающихся национальным единством.

Действительно, в обществах, где, по определению Д. Растоу, “национальное единство означает, что большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат” [7, с. 8], требования “на входе” можно представить как суммарный эффект (Д. Истон) воздействия политического сообщества на систему. Поэтому классическая модель выполняет множество объяснительных и прогностических функций при анализе политических процессов “западного” типа. Совершенно иная ситуация складывается при анализе политического процесса “незападного типа”, который характеризуется отсутствием интеграции среди участников (Л. Пай).

В политологии “незападные общества” получили название многосоставных. Следуя определению А. Лейпхарта, “многосоставное общество (plural society) есть общество, разделенное сегментарными различиями” [8, с. 38]. Под сегментами общества А. Лейпхарт понимает некие совокупности индивидов, представляющие собой организованные или неорганизованные группы, которые различаются по этническим, языковым, религиозным и т. п. признакам, исповедуют разные взгляды и имеют разные интересы. Одной из важнейших является проблема принципиальной несовместимости требований, предъявляемых сегментами неоднородного (полиэтнического) общества “на входе” политической системы,

и принципиальной несовместимости реакций сегментов на политические решения “на выходе”.

Учет многосоставности (полиэтничности) общества стал основанием для создания новой общественной модели демократии, зафиксировавшей, что многосоставность (полиэтничность) общества должна быть закреплена в его политических институтах. Этот пример дает основание для модификации классической теории политической системы путем выделения её этнического среза (или измерения) и построения теории этнополитической системы.

Необходимость включения в анализ этнического измерения политической системы вызвано тем, что требования, исходящие от сообществ, позиционирующих себя в качестве этнических, отличаются от требований других акторов (политических партий, групп интересов и т. п.). Это отличие заключается в том, что “на входе” *требования и поддержка “классических” акторов направлены на изменение отдельных параметров политической системы с целью её усовершенствования* (например, путем перераспределения полномочий между различными ветвями или уровнями власти), а *требования и поддержка этнических акторов направлены на создание институтов и утверждение режимов, обеспечивающих особый статус отдельных этнических групп в политической системе.* В своей наиболее радикальной форме такие требования (например, лозунг “Грузия для грузин!”) способны разрушить саму политическую систему.

Актеры на “входе” этнополитической системы не только предъявляют свои требования или оказывают поддержку, но и демонстрируют апатию или неприятие власти, её институтов, нормативных актов и способов реализации этнической политики. Обратная связь предполагает реакцию акторов на политические решения, которая может выразиться как в укреплении поддержки власти, так и в усилении требований или росте неприятия. *Динамика модальностей отношения к власти выступает одной из специфических черт этнополитической системы.* Неприятие власти влечет за собой блокировку принимаемых ею решений и предпринимаемых действий “на выходе”. Ответом на блокировку, как правило, выступает использование насилия со стороны власти. Этнические актеры в этом случае используют радикальные и экстремистские методы, вплоть до вооруженного захвата власти.

Между состояниями кризиса и баланса этнополитической системы существует множество переходных форм, характеризующихся дисбалансом между отдельными элементами или группами элементов системы, в частности: 1) различными этническими актерами; 2) актерами с разными модальностями

отношения к власти; 3) разными институтами власти; 4) разными уровнями власти; 5) требованиями акторов и решениями власти; 6) действиями власти и действиями акторов; 7) внешней средой и системой. Фактически все перечисленные типы дисбаланса этнополитической системы и их возможные сочетания могут рассматриваться в качестве *самостоятельных моделей конфликтности.*

Необходимо обратить внимание на особый тип дисбаланса системы, обусловленный тем, что в условиях разделения власти (на уровни и ветви) каждая из властных структур может отстаивать свое видение ситуации, и, соответственно, решения и действия, предпринимаемые ими, будут носить противоречивый характер.

С нашей точки зрения, выделенные типы конфликтов целесообразно разделить на две группы, воспользовавшись определением конфликта М. Дойча [9, с. 211], как “столкновения несовместимых действий” и различения “несовместимых действий из-за несовместимости целей” и “несовместимых действий при схожести целей”. Если общими целями всех акторов и властных структур является сбалансированность системы, подразумевающая поддержание системы (высокий уровень демократичности, т. е. соблюдения индивидуальных и коллективных прав), гражданский порядок (низкий уровень насилия), легитимность действий власти и групп и эффективность принятия и реализации решений, поддерживаемых всеми группами, несовместимость их действий вполне преодолима, и такие конфликты можно отнести к конструктивным, т. е. обладающим позитивными функциями и ведущим к трансформации этнополитической системы и её окружения в соответствии с вызовами времени. В случае несовместимости целей конфликты относятся к группе деструктивных и способны привести к разрушению системы.

Отличительной чертой этнополитических конфликтов является то, что, по меньшей мере, одна из сторон, организованная по этническому признаку, выступает под лозунгом “достижения справедливости” как условия сохранения и дальнейшего развития (этнического возрождения) народа. Так, справедливости требуют этнические организации каталонцев и басков в Испании, ирландцев в Великобритании, корсиканцев во Франции, уйгур в Китае и т. д. Справедливость в этом контексте связана с восстановлением утраченных политических, правовых, экономических и социокультурных статусных характеристик. В каждом случае содержание процесса установления (восстановления) справедливости понимается сторонами конфликта по-разному, что находит отражение в соответствующих этнополитических концепциях. Именно ощущение и осознание неспра-

ведливости как несоответствия между реальным положением и статусом становятся главным мобилизующим фактором на индивидуальном и групповом уровнях и выступают основой формирования этнополитических концепций этнических акторов.

В “Настольной книге Бергховского центра” [10], содержащей изложение новейших конфликтологических достижений, особо подчеркиваются следующие моменты:

- в основе этнополитического конфликта лежит чувство и осознание несправедливости по отношению к этнической группе со стороны государства и/или других этнических групп;
- конфликт не имеет эффективного силового решения, которое воспринимается как новая несправедливость и может только усилить стремление к справедливости;
- конструктивное урегулирование этнополитического конфликта возможно только при условии его трансформации, т. е. изменении этнополитических концепций.

Система может быть сбалансированной только при условии совместимости зафиксированного в этнополитических концепциях отношения к этничности, которое в многосоставном, полиэтничном обществе должно носить аксиологический, ценностный характер. При этом признание самоценности этничности должно распространяться на все этнические группы государства, иными словами, *этнополитическая система может быть сбалансированной только при условии достижения и соблюдения этнополитической справедливости, понятой как равенство граждан, отличающихся этнической идентичностью, и этнических групп в целом в политико-правовой, социально-экономической и культурной сферах общественной жизни.* Достижение сбалансированности этнополитической системы содержательно представляет собой процесс построения институционального порядка справедливости в полиэтничном обществе.

В России построение сбалансированной этнополитической системы предполагает целенаправленную, многоуровневую, комплексную работу, основные параметры которой определены в “Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.” [11] и Федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)” [12]. Этнополитическая концепция, зафиксированная в этих документах, провозглашает следующие цели: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской

нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

Эти цели совместимы с требованиями “этнополитической справедливости”, выдвигаемой различными акторами системы, но достижимы только при “легитимности” этнических акторов в общественном сознании.

Литература

1. Социальные проблемы и гражданское участие москвичей. Пресс-выпуск 11.07.2013. URL: // <http://www.levada.ru/11-07-2013>
2. Россияне о миграции и межнациональной напряженности. Пресс-выпуск 05.11.2013. URL: // <http://www.levada.ru/05-11-2013>
3. Ожидания россиян в 2014 г. Пресс-выпуск 13.01.2014. URL: // <http://www.levada.ru/13-01-2014>
4. Беспорядки в Бирюлево: хроника событий. URL: // <http://ria.ru/incidents/20131013/969693444.html>
5. *Истон Д.* Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
6. *Алмонд Г.А.* Гражданская культура и стабильная демократия / Г.А. Алмонд, С. Верба // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.
7. *Растоу Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д.А. Растоу // Полис. 1996. № 5.
8. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнит. исслед. / А. Лейпхарт. М., 1997.
9. *Дойч М.* Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) / М. Дойч // Социально-политический журнал. 1997. № 1.
10. Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергховского центра. М., 2007
11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>
12. Федеральная целевая программа “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)”. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. URL: // <http://government.ru/docs/4022>